

DOI: 10.31857/S032103910015354-2

T. RUSSELL. Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford: Oxford University Press, 2017 (Oxford Classical Monographs). XVII, 290 p. ISBN: 978-0-19-879052-5

Отдельные полисы греческого мира, если это не Афины и не Спарта, не часто устаиваются специальными исследованиями монографического формата. Даже по истории столь крупных центров, как Коринф, Аргос, Милет, Сиракузы и т.п., такие исследования являются единичными. Схожая ситуация – и с Византием, в связи с которым в первую очередь следует упомянуть, конечно, работу нашей соотечественницы В.П. Невской¹. Но эта монография, будучи написана много десятилетий назад, безусловно, уже не соответствует современному уровню развития науки.

В свете вышесказанного можно только приветствовать недавнее появление книги британского исследователя Томаса Рассела, в центре которой – именно этот город. Работа озаглавлена «Византий и Боспор: историческое исследование, от VII в. до н.э. до основания Константинополя», а введение к ней открывается программным тезисом: «Эта книга представляет собой исследование связи между античным городом Византием и Фракийским Боспором на протяжении периода примерно в 1000 лет» (с. 1). Такая постановка вопроса тоже вполне оправдана: понятно, что уникальная историческая судьба Византия в очень большой степени была обусловлена его уникальным же положением, позволявшим ему контролировать сверхважный (по крайней мере, с определенного времени) в эпоху античности пролив.

История Византия неотрывна от истории Боспора Фракийского², и автор монографии справедливо уделяет последнему чрезвычайно большое внимание. Т. Рассел, пожалуй, впервые в мировом антиковедении делает ответственный (хотя, в принципе, не слишком сложный и логически вполне обоснованный) шаг, объявляя основным источником по истории «раннего» Византия «Плавание по Боспору» Дионисия Византийского – уроженца этих мест, прекрасно знавшего регион – и исходя в дальнейшем именно из этого. Названное сочинение действительно по странному стечению обстоятельств не привлекало должного внимания исследова-

Работа О.Л. Габелко выполнена в рамках проекта РНФ № 19-18-00549 «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках».

¹Newskaja 1953. Вскоре же в ГДР появился немецкий перевод (Newskaja 1955), которым и пользовался автор рецензируемой книги Т. Рассел. Монография В.П. Невской удостоилась поистине убийственно суровой и в целом заслуженной критики со стороны Л. Робера: Robert J., Robert L. 1958; сам Т. Рассел тоже оценивает ее критически, прежде всего за идеологическую ангажированность (с. 15). В дальнейшем, правда, исследователь многократно ссылается как на эту книгу, так и на «устаревшую» (с. 14) диссертацию Х. Мерле (Merle 1916; в библиографическом списке рецензируемой книги название этой работы приведено с опечатками – с. 266), и уже без тотального неприятия.

²Эта идея буквально красной нитью проходит через всю книгу Т. Рассела. Например: «...Я надеюсь показать, что историю Византия не следует рассматривать в отрыве от географического контекста города» (с. 16).

телей, и первый его перевод на современный европейский (итальянский) язык, снабженный достаточно подробным комментарием³, увидел свет лишь в 2009 г.⁴

С другой стороны, сразу же необходимо оговорить, что перед нами — отнюдь не традиционная событийная история полиса в «позитивистско-фактологическом» духе, прекрасные образчики каковых мы имеем, скажем, для Коринфа⁵, Самоса⁶, Гераклеи Понтийской⁷, метрополии Византия — Мегар⁸ и др. Справедливости ради отметим, что для Византия по возможности полную событийную историю написать трудновато в принципе — слишком уж много лагун в наших знаниях. Но Т. Рассел создал работу совершенно иного жанра не столько поэтому, сколько в силу сознательно занятой им позиции, в основе которой — принципы исторического критицизма, сформулированные М. Финли.

Не можем не процитировать ключевой пассаж, в котором изложена суть такой позиции: в этой книге «не предпринимается никакой попытки следовать строгой хронологической последовательности... Это — намеренная попытка избежать позитивизма и не впасть в жанр, который Мозес Финли характеризовал как поток “псевдоисторий”, “в которых находят свое место каждое утверждение или предположение, обнаруживаемое в античном тексте, каждый артефакт, порождающая болото невразумительных, бессмысленных, бессвязных фактов”⁹. Напротив того, это — размышления об изменчивости античного мира и о постоянном влиянии, которое местная окружающая среда оказывала на греческое сообщество» (с. 1–2).

Характерной иллюстрацией подобных принципов будет хотя бы следующая деталь: если «классические» истории городов всегда начинаются с рассмотрения обстоятельств их возникновения (казалось бы, как же иначе?!), то Т. Расселом, наоборот, тема основания Византия парадоксальным образом отложена до последней главы. Точнее, в ней рассмотрены в основном проблемы аутентичности традиций об этом основании; но на данной главе, к которой немало критических вопросов, мы остановимся в соответствующем месте. В ней как раз наиболее сильно влияние постмодернистского деконструкционизма, которое и в целом ощутимо в книге.

Впрочем, не это в ней главное. В пику позитивистскому «фактопоклонничеству» автор пытается достичь некоего синтеза историко-экономического, историко-социологического и историко-культурологического («история ментальностей») подходов — в том плане, в каком он в свое время впервые был реализован школой «Анналов» с ее интересом к «структурам повседневности». Посмотрим, насколько это Т. Расселу удается.

Монография, выросшая из диссертации, защищенной в Оксфорде в 2013 году, включает в себя введение, шесть глав, разделенных на параграфы, заключение, библиографию и указатели. В книге содержатся две качественные карты (пролива Босфор со всеми его объектами, локализованными согласно данным Дионисия Византийского, и региона Пропонтиды), а также одиннадцать других иллюстраций (исключительно монеты — преимущественно, разумеется, Византия, а также Калхедона плюс тетрадрахма Птолемея II).

Введение (с. 1–17) остроумно озаглавлено «Подмышка Эллады» (так назвал Византий известный шутник Стратоник — Athen. VIII. 351c) — при том, что одной из главных задач всей книги является опровержение этого уничижительного суждения. Во введении, помимо изложения авторских методологических установок, о которых говорилось выше, мы встречаем также тезисную формулировку основных положений всех глав, характеристику важнейших источников и обзор предшествующей литературы¹⁰, выглядящий, пожалуй, неоправданно кратким и сводящийся в основном к критике работ Х. Мерле и В.П. Невской (о чем упоминалось выше).

³ Ранее текст Дионисия (взятый еще целиком в латинском переводе и при ином разделении на параграфы) комментировался Карлом Мюллером в издании *Geographi Graeci minores* (Müller 1861).

⁴ Belfiore 2009, 67–97 (вводная статья), 244–323 (текст, перевод и примечания).

⁵ Salmon 1984.

⁶ Shipley 1987.

⁷ Burstein 1976; Bittner 1998.

⁸ Legon 1981; Paltseva 1999; особенно см. Robu 2014b.

⁹ Finley 1985, 61.

¹⁰ Можно отметить, что Т. Рассел не использовал весьма обстоятельную статью немецкой исследовательницы Д. Энгстер (Engster 2014); небесполезной для темы кажется и вполне доступная на Западе работа одного из авторов настоящей рецензии, посвященная весьма важным событиям истории Византия (Gabelko 2006).

В первой главе, поэтически названной «Земля Инаха» (с. 19–51), речь идет – пока в общей форме – о том, как на жизнь Византия влияли местные природные условия, в первую очередь – сам Боспор, пролив, весьма сложный для навигации. Автор отмечает, что «более важным, чем место расположения Византия, было сочетание географических и гидрологических особенностей пролива на всем его протяжении» (с. 21), и обосновать этот тезис он пытается в первом параграфе, «Боспор и его течения» (с. 25–36). Здесь он приводит весьма интересные данные источников, освещающие многие нюансы природных условий региона и в целом «работающие» на его концепцию.

Во втором параграфе, «Боспорские идентичности» (с. 36–51), демонстрируется, каким образом, в понимании автора, география формировала культурную идентичность византийцев, в связи с чем рассматриваются ключевые мифологемы, связанные с регионом (переправа Ио, поход аргонавтов и т. п.). Эта часть работы оставляет двойственное впечатление: несмотря на то что и здесь также собрано и проанализировано немало ценной информации, расставляемые автором акценты могут создать впечатление, будто бы основным занятием византийцев было отнюдь не рыболовство, морская торговля или земледелие, а именно целенаправленное конструирование собственных разнообразных идентичностей (региональной боспорской, местной полисной, [общее?] греческой, дорийской, жителей города, находящегося в варварском окружении, и пр.). Очевидно, постмодернистская парадигма в данном случае преобладает над фактами.

Главная тема второй главы, «Сбор податей и вымогательство: Боспор и Делосский союз» (с. 53–90), – механизмы политического и военно-морского контроля над проливом. Как известно, на протяжении большей части V в. до н.э. этот контроль находился в руках Афин, политика которых на данном направлении характеризуется автором как «рэкёт»: афиняне, по сути, насильственно навязывали проходящим торговым судам свою «защиту» и взимали за это деньги.

Они не были «первопроходцами» на этом поприще, и исследователь резонно привлекает внимание к прецедентам, рассматриваемым в параграфе «Пираты, тираны, цари» (с. 56–69). В Византии в период Ионийского восстания 500–493 г. до н.э. имел свою базу один из его лидеров – авантюрист Гистией, бывший тиран Милета (Hdt. VI. 5; 26), который фактически занимался пиратством, нападая на торговые корабли, проходившие по Боспору из Понта. Другой эпизод в аналогичном духе связан со знаменитым спартанцем Павсанием, который несколько лет управлял городом. Роль Павсания в судьбе Византия и вообще весьма велика; в традиции он даже фигурирует как один из его основателей, поэтому к фигуре спартанского полководца Т. Рассел обращается и в шестой главе¹¹; здесь же он в основном рассуждает о том, каким именно образом Павсаний мог контролировать Боспор и что это ему давало.

Попытки установить единоличную власть над столь выгодным местом не прекращались и в дальнейшем. Так, в конце Пелопоннесской войны по стопам Павсания пошел другой спартанец – Клеарх. Останавливается автор, конечно, и на попытке Филиппа II Македонского захватить Византию в 340 г. до н.э. (с. 65–69; этот сюжет ввиду его особой значимости рассматривается и в дальнейшем – с. 85–92 и др.)¹².

В последующих параграфах этой главы, «Афинские податные списки» (с. 69–80) и «Афинская империя: финансовый благодетель или рэкётир?» (с. 80–90), подробно анализируется положение города в составе Делосского союза. Сумма фороса, взимавшегося с Византия, была одной из самых крупных среди всех союзных полисов. Чаще всего в податных списках фигурирует цифра 15 талантов, хотя для некоторых лет она иная (максимум достигается в первые годы Пелопоннесской войны, когда форос превышает 20 талантов¹³, с. 71). Столь значительные подати (больше платили только Эгина и Фасос) объяснимы: они «являются ценным показателем экономического процветания города, демонстрируя быстрое экономическое развитие

¹¹ Традиция об основании Павсанием Византия была недавно рассмотрена одним из авторов настоящей рецензии: Surikov 2020.

¹² Впрочем, исходя из убежденности в том, что в тексте Дионисия ссылок на конкретные исторические события содержится совсем немного (с. 4), а также, видимо, не желая писать «фактологическую псевдоисторию» (см. выше), Т. Рассел прошел мимо возможности извлечь важную информацию об этом конфликте из параграфа 65 «Плавания...», где говорится о победе граждан Византия над флотом Деметрия, полководца Филиппа (см. Gabelko 2015; 2021). Исследователь этот пассаж даже не упоминает.

¹³ К сожалению, не сохранилось данных о форосе Византия в печально знаменитом списке 425/424 г. до н.э., когда подати союзников были повышены в два с лишним раза.

в этот период, порождаемое торговлей между Грецией и Черным морем, шедшей через пролив и город» (с. 71).

Интересной особенностью экономической истории Византия в V в. до н.э., к которой привлекает внимание Т. Рассел, является отсутствие у него собственной серебряной чеканки на протяжении почти всего столетия. Таковая началась только в самом его конце, то есть весьма поздно по греческим меркам. Автора эта «аномалия», как он ее называет, озадачивает (с. 72), и однозначного ее объяснения у него нет.

Мы, со своей стороны, хотели бы напомнить об обстоятельстве, о котором один из авторов данной рецензии ранее писал в совсем другой связи¹⁴. Византий принадлежал к колониям «мегарского куста», а почти во всех полисах этого «куста» чеканка начиналась необычайно поздно. Сами Мегары открыли выпуск собственной монеты только в IV в. до н.э. При этом уже в VII–VI вв. до н.э. Мегары были одним из наиболее передовых в экономическом отношении полисов Балканской Греции, они продолжали сохранять свои позиции и на протяжении большей части классической эпохи, однако же каким-то образом обходились без своей монеты, будто бы не ощущая потребности в ее введении. Как и почему обходились – вопрос отдельный, здесь он не может быть затронут, но факт остается фактом.

Мегарская колония Гераклея Понтийская, основанная ок. 560 г. до н.э., начала выпускать собственную монету лишь в конце V в. до н.э. Примерно тогда же (либо в начале IV, либо в самые последние годы V в. до н.э.) – Херсонес Таврический, колония Гераклеи и субколония Мегар. На этом основании А.В. Буйских даже сделала вывод¹⁵, будто полис Херсонес только тогда и был основан, хотя это, конечно, неприемлемо.

Во всяком случае, необходимо констатировать, что, судя по всему, у «мегарского куста» городов, начиная с самой метрополии, была традиция поздно открывать собственное монетное дело, и Византий из нее не выбивается (в отличие от соседнего Калхедона, чеканившего монету с начала V в. до н.э., а также Селимбрии). Каковы были причины столь нестандартной ситуации? Дело, думается нам, в том положении, которое сложилось в Мегарах в VI в. до н.э. Они оказались как бы в окружении самых ранних центров монетного дела в Балканской Греции (Эгина, Афины, Коринф¹⁶), причем имели с ними по большей части напряженные политические отношения. Так нельзя ли предположить, что мегарцы изначально заняли, так сказать, оппозицию к этому новшеству, а заодно и своим колониям передали ту же традицию?

До того как в Византии появилась серебряная монета, там на протяжении V в. до н.э. чеканились некие железные деньги, которые так и назывались σιδέρειοι (Aristoph. *Nub.* 249; Hesych. s.v. σιδέρειοι θεοί). Правда, Т. Рассел высказывает мнение, что никаких византийских железных монет вовсе и не было, что это фиктивный феномен, источником которого послужила какая-то шутка Аристофана, истинный смысл которой со временем оказался забыт. Однако подобная гиперкритическая позиция не кажется нам убедительной. Т. Фигейра, признающий реальность сидареев, так трактует возможность их функционирования: остальные полисы не могли себе позволить ввести малоценную монету в качестве средства обмена, ибо тогда торговцы ушли бы к конкурентам, предлагающим серебро, но у Византия с его уникальным положением, дававшим контроль над боспорским «хлебным путем», фактически не было соперников в регионе¹⁷.

Традиционно считалось, что важность этого самого «хлебного пути» из Понта и была главным фактором как процветания города, так и заинтересованности в нем Афин в период Архэ. Однако со времен выхода в свет этапной книги П. Гарнси¹⁸ эта «ортодоксия» была поколеблена, и ныне преобладает мнение, согласно которому понтийское зерно стало по-настоящему засушливым для афинян лишь в IV в. до н.э. Автор рецензируемой монографии тоже убежден, что зерно оставалось, во всяком случае, не единственным фактором, обуславливавшим богатство и, соответственно, очень высокий форос византийцев; имелись и другие, среди которых, например, рыбные промыслы.

Что же касается «нормальной» монетной чеканки в Византии, то, как кажется, имеется возможность подкрепить приведенные выше соображения общего плана вполне конкретным предположением насчет причин ее появления. На с. 103–107, уже в следующей главе, Т. Рассел

¹⁴ Последний раз: Surikov 2019.

¹⁵ Buyskikh 2008.

¹⁶ О времени начала чеканки в этих центрах см. Kroll, Waggoner 1984.

¹⁷ Figueira 1998, 62.

¹⁸ Garnsey 1988.

рассматривает обстоятельства приобретения византийцами их азиатской хоры и, полемизируя с одним из авторов данной рецензии¹⁹, отвергает возможность образования этих владений в 416 г. до н.э. в связи с военной экспедицией византийцев, калхедонян и европейских фракийцев против вифинцев, завершившейся разгромом последних, захватом их селений и истреблением большого количества пленных (Diod. XII. 82. 2). Его аргументы выглядят, мягко говоря, не слишком убедительными²⁰, однако повторное обращение к этому сюжету, рассматриваемому теперь в рамках истории собственно Византия, дало возможность провести определенную логическую связь между следующими близкими по времени событиями: тяжелое поражение вифинцев от византийцев и их союзников — (возможное) образование византийской переи в Вифинии (точнее, на Мисийском полуострове) — начало чеканки в Византии серебряной монеты. Кажется вполне вероятным и даже закономерным, что именно начало систематической и эффективной эксплуатации многочисленного земледельческого населения (*λαοί* — Polyb. IV. 52. 7; ср. Phylarch. ap. Athen. VI. 271c; Hesych. *Illustr. Patr. Const.* 31) в подчиненной области Вифинии способствовало быстрому экономическому подъему Византия и послужило толчком к учреждению собственной монетной чеканки спустя несколько лет.

Третья глава «Всеобщие благодетели» (с. 91–132) рассматривает экономическую политику Византия в эпоху эллинизма, когда афинский контроль над зоной проливов давно уже прекратился и крупные центры региона обрели относительную самостоятельность. Она состоит из четырех параграфов. В первом из них, «Историческая основа: родосско-византийская война» (с. 93–98), бегло рассматриваются события истории полиса с начала эпохи эллинизма до 220 г. до н.э.; ничего нового в сравнении со сказанным в историографии ранее мы здесь не находим. Вторым параграф, «Финансовые стратегемы и Боспор» (с. 98–104), содержит анализ сведений «Экономики» Псевдо-Аристотеля относительно мер, предпринимавшихся византийцами с целью решения внутренних экономических проблем. Параграф «Возрастание Византия» (с. 104–113) включает в себя обзор сведений о приобретении византийцами новых территорий в эпоху эллинизма (см. выше). Довольно содержателен завершающий главу параграф «Система “контроля над валютами” на Боспоре» (с. 113–132), в котором рассматриваются различные аспекты монетного дела и денежного обращения в полисе в контексте развития его экономики, а также укрепления политических и экономических связей с Птолемеем II. В этот период византийцы и калхедоняне совместно разработали довольно сложную монетную систему «закрытого» типа²¹.

¹⁹ Gabelko 1996; ср. Gabelko 2005, 103–112.

²⁰ Следует, пожалуй, принять во внимание лишь одно возражение, высказанное Т. Расселом: он сомневается в возможности утверждения византийцами контроля над частью населения Вифинии ввиду того, что сами они в то время находились в подчиненном положении по отношению к Афинам (с. 105). Однако зависимый статус византийцев не помешал им ни осуществить самостоятельную и значительную военную акцию в Азии (не столь важно даже, с какими именно результатами), ни начать вскоре эмиссию собственной монеты, что все-таки может быть расценено как стремление продемонстрировать собственный суверенитет. В то же время трудно всерьез принять замечание исследователя о том, что коль скоро Диодор говорит об истреблении византийцами и их союзниками пленников, то это исключает вероятность порабощения каких-то других вифинцев (с. 107–108): видимо, Т. Рассел полагает, что население той области, куда состоялся поход, было истреблено буквально поголовно?! Исследователя смущает также, почему, согласно мнению О.Л. Габелко, владения в Вифинии создали византийцы, а не калхедоняне, чей город располагался в Азии. Он, однако, игнорирует давно утвердившееся мнение, что граждане Калхедона выступили инициаторами этого похода по той причине, что страдали от постоянных нападений усилившихся вифинцев (Gabelko 2005, 103, п. 30 — со ссылками на предшествующую литературу), так что они явно не были ведущей силой в этой акции и не могли извлечь из нее столь значительных результатов. Наконец, британский историк считает, что приобретение территориальных владений в Вифинии византийцами могло состояться после отпадения их от Второго Афинского морского союза в 360–350-х годах до н.э., когда они, образовав симполицию с калхедонянами, получили возможность присвоить земельные владения союзников с сидевшими на них вифинскими «илотами» (с. 107). Проблема, однако, в том, что земли калхедонян на рубеже эр занимали только часть северного берега Астакского залива (Strab. XII. 4. 2), а для более раннего времени предполагать наличие обширной калхедонской хоры, тем более на другом берегу залива, едва ли возможно; ср. Robu 2014a, 191–193.

²¹ Впрочем, нельзя не заметить, что в этой части книги Т. Рассел в основном следует за результатами высоко оцениваемого им исследования К. Маринеску (Marinescu 1996).

Сюжет четвертой главы «Щедрость Боспора» (с. 133–163) – добыча и обработка рыбы как один из главных источников процветания Византия; рыбные богатства Боспора, по мысли автора, были предметом особой гордости византийцев и уникальной особенностью региона в восприятии Дионисия, около двадцати раз акцентирующего внимание на «рыбных местах» Боспора и Рога (с. 147). Глава состоит из трех параграфов: «Локальное разнообразие и сезонное рыболовство» (с. 142–152), «Техники рыбной ловли и обработка рыбы» (с. 152–159), «Участие государства в рыбной ловле и засолке рыбы» (с. 160–163). Т. Рассел убежден, что рыба, именуемая в источниках византийской (главным образом тунец), вылавливалась именно в Боспоре (есть мнение, что в действительности это была понтийская рыба, только доставлявшаяся в Византий и распределявшаяся оттуда далее по всему греческому миру²²). В целом эта глава, посвященная весьма специфическому предмету, демонстрирует эрудированность автора, его умение эффективно обобщать данные, относящиеся к разным периодам и регионам, и производит очень благоприятное впечатление. Однако как минимум один сюжет, связанный с проблемами этого круга, кажется, все же ускользнул от внимания исследователя²³. Кроме того, трудно согласиться с Т. Расселом в том, что Дионисий Византийский будто бы преувеличивает размер рыбных богатств Византия в сравнении с калхедонскими из соображений местечкового патриотизма (с. 146–148): точно такую же информацию совершенно независимо от Дионисия сообщает и Страбон (VII. 6. 2) (этот пассаж географа автор цитирует в другом месте – с. 144 – и в иной связи).

В последних двух главах книги основной является все та же культурологическая тема «идентичностей». Заголовком пятой главы (с. 165–204) исследователь избрал цитату из Ксенофонта: «Первый греческий город, в который мы пришли» (Xen. *Anab.* VII. 1. 29), – так автор «Анабасиса» охарактеризовал Византий. Таким образом, византийцы находились в варварском окружении и при конструировании пресловутой собственной идентичности активно противопоставляли себя этому окружению, подчеркивая свое эллинство. Но подобное противопоставление являлось именно ментальной конструкцией, в реальной же жизни полной сегрегации не существовало: в городе зафиксированы представители варварского (фракийского) и смешанного населения. Нам, впрочем, представляется, что их присутствие не было значительным; говоря об ономастическом материале, сам Т. Рассел пишет, что «из сотен византийских имен, которые известны, фракийские имена составляют лишь очень малую часть» (с. 201); он также не раз говорит о возможном проживании относительно значительных групп фракийского населения в деревнях на хоре Византия, которое все-таки трудно проследить ввиду недостатка данных.

Однако довольно резкое несогласие вызывают другие положения этой части книги. На основании анализа пяти надписей римского императорского времени с упоминанием некоего фракийского героя Стомиана (*IvByz* 25–29), чьей «функцией» якобы были обеспечение и охрана нормального мореплавания в устье пролива, Т. Рассел приходит к выводу о преобладании дружественных отношений фракийцев с греческими колонистами на всем протяжении их взаимоотношений, едва ли не с самого основания полиса (с. 199, 203–204) – не только полностью элиминируя тем самым сведения Дионисия Византийского о враждебности фракийцев к колонистам, проявившейся сразу при основании полиса (8; 16; 53 – конечно же, местный автор конструировал очередную «идентичность» своих сограждан, определяемую их фронтирным положением между греческим и варварским мирами!), но и игнорируя совершенно независимые от локальной византийской традиции многочисленные сообщения других авторов такого же характера (Polyb. IV. 45; 51. 8; Diod. XIV. 12. 2; Polyae. II. 2. 7; App. *Sur.* 6). Возможно ли представить, будто первоначально греки селились и жили на берегах Боспора Фракийского и Золотого Рога «по деревням», как это полагает Т. Рассел (с. 188), не подвергаясь нападениям окрестных варваров? Можем ли мы допустить, что отношения византийцев с окрестными варварами вообще не претерпевали никаких изменений на протяжении столетий? Положительный ответ на эти вопросы противоречит, как кажется, не только научной, но и попросту житейской логике.

Наконец, главной задачей шестой главы, «Объясняя Византий» (с. 205–244), и особенно ее первого параграфа, «Античные нарративы об основании» (с. 210–222), выступает, в сущности, деконструкция античной традиции об основании города. В целом основная ветвь этой традиции достаточно устойчиво гласит, что Византий – мегарская апокия (есть, конечно, иные, маргинальные, версии, но так обстоит дело почти со всеми колониями), и сомнения на этот счет вы-

²² Braund 1995.

²³ Gabelko 2019.

сказываются не слишком часто²⁴. А вот Т. Рассел утверждает, что подобное представление исходит из устаревшей концепции ранней греческой колонизации; сам же он — адепт модели Р. Осборна²⁵ (разработанной, отметим, для иного региона — Западного Средиземноморья), в которой основание колонии трактуется не как разовое событие, а как длительный процесс.

Соответственно, по мнению автора рецензируемой книги, нельзя называть Мегары метрополией Византия, хотя мегарцы, конечно, были в числе апойков. Т. Рассел не убеждает даже тот факт, что политические и религиозные институты византийского полиса²⁶ демонстрируют большую степень преемственности по отношению к аналогичным мегарским институтам — как и должно быть между метрополией и колонией. Ученый считает, что эти институты могли быть заимствованы Византием из Мегар уже позже, когда происходило конструирование идентичности византийцев, и они решили считать себя колонистами мегарцев. А на наш взгляд, в данном случае как раз со стороны самого Рассела имеет место конструирование замысловатой и весьма искусственной гипотезы, не находящей сколько-нибудь серьезной опоры в фактах и, в сущности, доводящей до *pes plus ultra* вполне здравую (хотя и не новую) мысль исследователя о том, что Византий не был основан «одномоментно» и в действительности в разное время (добавим от себя — уже после создания ок. 660 г. до н.э. апойкии с преобладающим удельным весом мегарского элемента!) могли иметь место «добавочные» экспедиции колонистов из разных полисов (с. 228)²⁷.

Читатель, заинтригованный названием последнего параграфа книги, «Решение “загадки слепцов”» (с. 229–242)²⁸, напрасно будет надеяться на удовлетворение своего любопытства: эта часть работы, в сущности, абсолютно бессодержательна, а гипотеза о «постепенном» возникновении полиса Византий из ‘trading station’, созданной для торговли с местными фракийцами (с. 236–237), выглядит крайне сомнительно. Нам же кажется, что более позднее основание Византия, нежели Калхедона, было вызвано сочетанием разнообразных факторов. Во-первых, это те особенности географии Пропонтиды (характер береговой линии и наличие подходящих для стоянок гаваней, преобладающие направления ветров и течений), которые делали наиболее удобным для греческих моряков эпохи ранней архаики плавание вдоль южного и восточного, т.е. азиатского, побережья Мраморного моря, и это естественным образом должно было привести их именно к месту основания Калхедона, как убедительно показано в прекрасной статье И. Малкина и Н. Шмуэли²⁹. Во-вторых, это отсутствие на Боспорском мысу источников пресной воды, почему, видимо, первоначально колонию намеревались основать там, где в Рог впадают речки Кидар и Барбисс (если верить византийской *Ktisissage*)³⁰. Наконец, это влияние политической ситуации: судя по всему, вифинские племена, на территории которых в начале VII в. до н.э. мегарцами был основан Калхедон (а еще раньше, в конце предшествующего столетия — Астак), тогда еще не были настолько сильными и агрессивными, чтобы представлять серьезную угрозу для эллинских поселенцев — в отличие от европейских фракийцев, оказавших упорное сопротивление тем грекам, которые намеревались заложить Византий; они сильно досаждали эллинам и впоследствии (см. выше). Выглядит вполне обоснованным предположение, что именно для борьбы с варварами потребовались координированные усилия нескольких метрополий, предоставивших собственные контингенты апойков³¹. В целом же весь комплекс проблем, связанных с основанием Византия, по-прежнему ждет своего исследования³².

²⁴ См., например, «говорящее» название старой работы, написанной, кстати, одним из авторов статьи о Византии в энциклопедии Pauly-Wissowa: «Является ли Византий мегарской колонией?» (Miller 1897).

²⁵ Osborne 1998.

²⁶ Посвященный их анализу параграф (с. 222–228) гораздо органичнее смотрелся бы в предыдущей главе.

²⁷ Возможно, они получали статус эпойков; см. Robu 2014b, 236, 269, 281–282, 303.

²⁸ Знаменитый топос античной историко-литературной традиции, связываемый с Калхедоном, основатели которого будто бы «проглядели» куда более выгодное и удобное место на еврейском берегу, где спустя некоторое время был основан Византий.

²⁹ Malkin, Shmueli 1988.

³⁰ См. Paltseva 1999, 183–185. Это обстоятельство, как кажется, не привлекало должного внимания в историографии.

³¹ См. Myres 1925, 659; Graham 1982, 120; Newskaja 1953, 17.

³² Наиболее глубокий на сегодняшний день анализ этого сюжета содержится всё в той же работе А. Робу: Robu 2014b, 248–292.

Авторы этой рецензии должны признаться: по мере чтения книги наше отношение к ней неоднократно менялось. И дело тут даже не в том, что автор, исходя из заявленных им установок, не только не представил связного и целостного рассмотрения именно *истории* Византия, но даже практически не задавался некоторыми принципиально важными вопросами ее — например, когда и в какой форме Византий оказался подчиненным Риму; лишь кратко (с. 220) и поверхностно упомянул о разгроме города Септимием Севером в 195 г. н.э. и его последующем восстановлении этим императором³³ и почти не затронул причин, побудивших Константина переосновать Византий в качестве «Второго Рима»³⁴. Существеннее то, что монография Т. Рассела вызывает ощущение когнитивного диссонанса: не подлежащие никакому сомнению прекрасная профессиональная подготовка автора³⁵, нестандартный подход к предмету исследования, тонкий анализ источников, проявляющиеся в интересной и оригинальной разработке отдельных сюжетов, к сожалению, в значительной степени обесцениваются предвзятыми концептуальными установками в духе довольно вульгарного постмодернизма, неоправданным гиперкритицизмом в отношении текстов античных авторов (прежде всего столь почитаемого самим автором Дионисия Византийского) и как следствие — созданием «образа» Византия, который кажется нам во многих отношениях весьма искаженным. По этой причине, к сожалению, мы никак не можем присоединиться к однозначно высокой оценке данной монографии, которая была высказана недавно видным специалистом по истории Византия А. Робу³⁶. Скорее нам ближе позиция, выраженная в работах итальянской исследовательницы Л. Пранди, весьма жестко критикующей именно методологические и методические подходы Т. Рассела³⁷.

Литература / References

- Belfiore, S. 2009: *Il Periplo del Ponto Eusino di Arriano e altri testi sul Mar Nero e il Bosforo. Spazio geografico, mito e dominio ai confini dell'impero Romano*. Venezia.
- Bittner, A. 1998: *Gesellschaft und Wirtschaft in Herakleia Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung*. Bonn.

³³ См. в дополнение к упомянутой единожды в глухой ссылке статье С. Манго (Mango 2003) также Lozanova-Stancheva 2010; Pont 2020.

³⁴ И здесь также обнаруживается немало примечательного в интересующих Т. Рассела сферах мифологии и идеологии: Mirolyubov 2020.

³⁵ Впрочем, некоторые фактические ошибки и неточности Т. Рассел все-таки допускает. Например, на с. 22 он приписывает Дионисию Византийскому характеристику населенных пунктов по берегам Боспора как эмпориев, хотя греческий автор этого слова ни разу не употребляет. Декрет в честь византийского архитектора Эпикрата (*ISM* I. 65), который Т. Рассел без каких-либо оговорок связывает с Истрией (с. 94, прим. 6), на самом деле к этому городу относится только по месту обнаружения (см. Sojosaqi 2011 с литературой). На с. 95 исследователь в числе членов Северной лиги, борющейся в 280-х — нач. 270-х годов до н.э. против экспансии Селевкидов в Северо-Западной Малой Азии, упоминает город Теос, хотя в действительности речь должна вестись о Тиосе (это, разумеется, разные города, расположенные далеко друг от друга). «Мисийская область», которую отторг у византийцев Прусий I Вифинский в ходе войны 220 г. до н.э., находилась не на южном побережье Пропонтиды (с. 106), а на южном берегу Астакского (Никомедийского) залива. Переход галатов в Азию состоялся не в 280/279 г. (с. 107, 127), а в 278/277 г. до н.э. Многократно упоминая Боспорское царство, Т. Рассел отождествляет его исключительно с Крымом, не упоминая об Азиатском Боспоре; утверждение же о том, что «даже местные династии, такие как Спартокиды в Крыму, чеканили имитации этих монет (статеров лисимаховского типа. — *Авт.*) и, кажется, рассматривали их как предпочитаемую пограничную валюту, которую использовали для выплат даров фракийским и скифским племенам Понтийского побережья» (с. 117), может вызвать только удивление у любого, кто мало-мальски знаком с боспорской нумизматикой: ничего подобного в действительности не существовало.

³⁶ Robu 2017.

³⁷ Prandi 2018; 2020. Последнее исследование — новейшая монография по истории Византия, выдержанная вроде бы во вполне традиционном ключе и, несомненно, тоже заслуживающая детального рассмотрения и рецензии.

- Braund, D. 1995: Fish from the Black sea: classical Byzantium and the Greekness of trade. In: J. Wilkins, D. Harvey, M. Dobson (eds.), *Food in Antiquity*. Exeter, 162–170.
- Burstein, S.M. 1976: *Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea*. Berkeley.
- Buyskikh, A.V. 2008: *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnyuyu epokhu [Spatial Planning Development of Chersonesos of Taurica in Ancient Epoch]*. Simferopol.
Буйских, А.В. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. Симферополь.
- Cojocaru, V. 2011: Noch einmal zur Herkunft des Ehrenbeschlusses für Epikrates, Sohn des Nikobulos (Syll.³ 707 = ISM I 65). In: I. Lazarenko, V. Iotov (eds.), *Terra antiqua balcanica et mediterranea: Miscellanea in Honour of Alexander Minchev*. (Acta Musei Varnaensis, VII-2). Varna, 267–291.
- Engster, D. 2014: Die Kolonie Byzantion – Geschichte, Gesellschaft und Stadtbild einer Handelsmetropole. In: N. Povalahev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov*. Göttingen, 357–369.
- Figureira, T.J. 1998: *The Power of Money: Coinage and Politics in the Athenian Empire*. Philadelphia.
- Finley, M.I. 1985: *Ancient History: Evidence and Models*. London.
- Gabelko, O.L. 1996: Zur Lokalisierung und Chronologie der asiatischen Besitzungen von Byzanz. *Orbis Terrarum* 2, 121–128.
- Gabelko, O.L. 2005: *Istoriya Vifinskogo tsarstva [The History of Bithynian Kingdom]*. Saint Petersburg.
Габелко, О.Л. *История Вифинского царства*. СПб.
- Gabelko, O.L. 2006: “Phaennis’ oracle” (Zosim. II. 36–37) and the Galatians’ passage to Asia Minor. In: E. Olshausen, H. Sonnabend (Hrsg.), *“Troianer sind wir gewesen” – Migrationen in der antiken Welt*. (Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums, 8. Geographica Historica, 21). Stuttgart, 211–228.
- Gabelko, O.L. 2015: [Who was Demetrius, Philip’s general (Dion. Byz. 65)?]. *Vostok / Oriens* 5, 28–34.
Габелко, О.Л. Кем был Деметрий, полководец Филиппа (Dion. Byz. 65)? *Восток / Oriens* 5, 28–34.
- Gabelko, O.L. 2019: [Cydares and camares: unchecked evidence about fishing and seafaring in Byzantium]. *Aristeas* 19, 36–44.
Габелко, О.Л. Кидары и камары: незамеченные свидетельства о рыболовстве и мореплавании в Византии. *Аристея* 19, 36–44.
- Gabelko, O.L. 2021: Dion. Byz. 65: an unexpected link between the military history of Macedonia and the Antigonid genealogy. In: V. Pappas, D. Terzopoulou (eds.), *Αρχαία Μακεδονία—VIII. Macedonia from the Death of Philip II to Augustus’ Rise to Power. Papers read at the Eighth International Symposium held in Thessaloniki, November 21–24, 2017*. Thessaloniki, 497–512.
- Garnsey, P. 1988: *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis*. Cambridge.
- Graham, A.J. 1982: Colonial expansion of Greece. In: J. Boardman, N.G.L. Hammond (eds.), *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. III. Pt. 3. Cambridge, 83–162.
- Kroll, J.H., Waggoner, N.M. 1984: Dating the earliest coins of Athens, Corinth and Aegina. *American Journal of Archaeology* 88/3, 325–340.
- Legon, R.P. 1981: *Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C.* Ithaca—London.
- Lozanova-Stancheva, V. 2010: [Zeuxippos Helios and Septimius Severus]. *Studia Classica Serdicensia* 1, 516–523.
Лозанова-Станчева, В. Зевксип Хелиос и Септимий Север. *Studia Classica Serdicensia* 1, 516–523.
- Malkin, I., Shmueli, N. 1988: The “City of the blind” and the founding of Byzantium. *Mediterranean Historical Review* 3/1, 21–36.
- Mango, C. 2003: Septime Sévère et Byzance. *Comptes rendus des séances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 147/2, 593–608.
- Marinescu, C.A. 1996: *Making and Spending Money along the Bosphorus: The Lysimachi Coinages Minted by Byzantium and Chalcedon and Their Socio-Cultural Context*. PhD thesis. New York.
- Merle, H. 1916: *Die Geschichte der Städte Byzantion und Kalchedon: Von Ihrer Gründung bis zum Eingreifen der Römer in die Verhältnisse des Ostens*. Kiel.
- Miller, J. 1897: Ist Byzanz eine megarische Colonie? *Philologus* 56, 326–333.
- Miroljubov, I.A. 2020: [The founding of Constantinople in the context of myths]. *Shagi / Steps* 6/2, 249–258.

- Миролюбов, И.А. Основание Константинополя в контексте мифологии. *Шаги / Steps* 6/2, 249–258.
- Müller, K. 1861: *Geographi Graeci Minores*. Vol. II. Paris.
- Myres, J.L. 1925: The colonial expansion of Greece. In: J.B. Bury, F.E. Adcock, S.A. Cook (eds.), *Cambridge Ancient History*. 1st ed. Vol. III. Cambridge, 631–686.
- Newskaja, W.P. 1953: *Vizantii v klassicheskuju i ellinisticheskuyu epokhi* [*Byzantium in Classical and Hellenistic Periods*]. Moscow.
- Невская, В.П. *Византий в классическую и эллинистическую эпохи*. М.
- Newskaja, W.P. 1955: *Byzanz in der klassischen und hellenistischen Epoche*. Leipzig.
- Osborne, R. 1998: Early Greek colonization? The nature of Greek settlement in the West. In: N. Fisher, H. van Wees (eds.), *Archaic Greece: New Approaches and New Evidence*. London, 251–269.
- Paltseva, L.A. 1999: *Iz istorii arkhaischeskoj Gretsii: Megara i megarskie kolonii* [*From the History of the Archaic Greece: Megara and Megarian Colonies*]. Saint Petersburg.
- Пальцева, Л.А. *Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии*. СПб.
- Pont, A.-V. 2020: Septime Sévère à Byzance: l'invention d'un fondateur. *An Tard* 18, 191–198.
- Prandi, L. 2018: Historic stratigraphy. How to reconstruct the history of Byzantium (apropos a recent book). *Politica Antica* 8, 9–19.
- Prandi, L. 2020: *Bisanzio prima di Bisanzio. Una città greca fra due continenti*. Roma–Bristol.
- Robert, J., Robert, L. 1958: Rev.: Newskaya, W.P. Byzanz in der klassischen und hellenistischen Epoche: Leipzig, 1955. *Bulletin épigraphique. Revue des Études Grecques* 71/ 334–338, 270–276.
- Robu, A. 2014a: Byzance et Chalcédoine à l'époque hellénistique: entre alliances et rivalités. In: V. Cojocaru, A. Coşkun, M. Dana (eds.), *Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods*. Cluj-Napoca, 187–206.
- Robu, A. 2014b: *Mégare et les établissements mégariens de Sicile, de Propontide, et du Pont-Euxin. Histoire et institutions*. Bern.
- Robu, A. 2017: Rev.: Thomas Russell. Byzantium and the Bosphorus: a historical study, from the seventh century BC until the foundation of Constantinople, Oxford–New York, Oxford University Press, 2017, XVII–290 p. *Revue des études sud-est européennes* 55, 373–375.
- Salmon, J.B. 1984: *Wealthy Corinth: A History of the City to 338 B.C.* Oxford.
- Shipley, G. 1987: *A History of Samos 800–188 B.C.* Oxford.
- Surikov, I.E. 2019: [To the polemic on the time of foundation of the Tauric Chersonesus (with an accent on the numismatic argumentation)]. *Khersonesskiy sbornik* [*The Chersonesus Collection*] 20, 215–221.
- Суриков, И.Е. К полемике о времени основания Херсонеса Таврического (с акцентом на нумизматическую аргументацию). *Херсонесский сборник* 20, 215–221.
- Surikov, I.E. 2020: [Pausanias the Spartan, a founder of Byzantium]. In: A.V. Belousov, E.V. Ilyushechkina (eds.), *Homo omnium horarum: Sbornik statey v chest' 70-letiya A.V. Podosinova* [*A Collection of Articles devoted to A.V. Podossinov's 70th Anniversary*]. Moscow, 523–533.
- Суриков, И.Е. Павсаний Спартанский, основатель Византия. В кн.: А.В. Белоусов, Е.В. Илюшечкина (ред.), *Ното отниум хорарум: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова*. М., 523–533.

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: isurikov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2603-6146

Oleg L. Gabelko,

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
E-mail: gabelko@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8321-9195

И.Е. Суриков,

д.и.н.,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

О.Л. Габелко,

д.и.н., профессор
Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия